

ГОВОРЯЩЕЕ МОЛЧАНИЕ

А. М. Ломов

Балтийский федеральный университет имени И. Канта

Поступила в редакцию 27 ноября 2016 г.

Аннотация: в статье описываются становление и развитие в обозримом историческом пространстве приема ассоциативного ввода внетекстовой информации. В центре изложения находится русский литературный памятник «Слово о полку Игореве», в котором этот прием заявил о себе впервые в нашей словесности.

Ключевые слова: внетекстовая информация, подтекст, фрагменты «Слова о полку Игореве», ассоциация, отсылки к источникам.

Abstract: the paper describes emergence and development of the technique of association-based introduction of extra-textual information. The research focuses on the Russian literary text of “The Tale of Igor’s Campaign” in which this stylistic mode was used for the first time in the history of Russian literature.

Key words: extra-textual information, subtext, text fragments of “The Tale of Igor’s Campaign”, association, references to information sources.

При анализе памятника «Слова о полку Игореве» нас поражает одна особенность – бедность его фактической информации. В самом деле, что мы знаем, скажем, о походе Игоря? Очень мало. Легче перечислить, чего мы не знаем. Неизвестно, когда начался поход, где находится Каяла, куда увезли половцы плененного Игоря, через какое время он убежал из плена и т. д. А если мы припомним битву при Немиге, которую автор сравнивает с молотьбой на току, то обнаружится, что нам не сообщили даже, с кем вступил в кровавый спор полоцкий князь Всеслав и чем этот спор кончился. Более того, иногда отдельные герои произведения высказывают буквально как чертики из табакерки (скажем, Гзак и Кончак): мы не знаем о них ровно ничего, хотя автор ведет рассказ так, будто они давние наши знакомцы. При этом информативная скудость «Слова» – факт лишь кажущийся: он представляет собой закономерное следствие особого художественного приема, использовавшегося в памятнике.

Читателям давно уже известно, что в «Слове о полку Игореве» все герои – реальные исторические лица, упоминания о которых легко найти в русских летописях (за исключением, может быть, Бояна). Точно так же реальны описываемые события, отраженные в тех же самых летописях (и опять-таки за отдельными исключениями). И поскольку это так, автор «Слова» получает возможность использовать уже упомянутый прием, для которого нет общепринятого названия. В лингвистике, правда, часто говорят о непрямо́й коммуникации, имплицитной информации, скрытых (неявных) смыслах и т. д. Однако эти

термины в нашем случае неприемлемы, поскольку они ориентированы на обозначение тех содержательных элементов, которые присутствуют в данном конкретном тексте, но выявлены нестандартными способами. В «Слове о полку Игореве» соответствующие элементы вообще отсутствуют и приносятся извне. Прием их обозначения будем называть (конечно же, с известной долей условности) приемом ассоциативного ввода внетекстовой информации. Он действует в соответствии с формулой «повод-наме́к»: текст отталкивается от упомянутого факта и лишь вскользь называет другой факт, содержание которого раскрывается не путем обычного текстового описания, а путем извлечения соответствующих знаний из недр памяти читателя, хорошо знакомого с русскими летописями и другими историческими источниками.

Необходимо учитывать, что текстовые намеки, нуждающиеся во внетекстовой актуализации, по своему характеру неоднородны. Одни из них прямо и непосредственно отсылают нас к соответствующим местам летописей, без чего соответствующий кусок «Слова» остается просто непонятным. Так, в своем плаче Ярославна, обращаясь к Днепру, роняет фразу *Ты лелѣяль еси на себѣ Святослави носады до плъку Кобякова*. Эта фраза содержит отсылку к реальному историческому факту – к успешному походу князя Святослава на половецкого хана Кобяка в 1184 г. Именно во время этого похода часть русского войска сплавлялась на особых судах – носадах. И именно в этом походе, которому сопутствовала удача, князь Игорь участия не принимал.

Аналогичным же образом знания летописных сведений требуют и то место памятника, где говорится, что готские девы воспевают поражение Игоря и

лелѣють мечь Шароканю. Если эту фразу не понять, в нашем восприятии «Слова» возникнет невосполнимая лакуна.

Как известно из летописей, первые полвека пребывания половцев в южнорусских степях борьба русских людей с кочевниками носила оборонительный характер, поскольку половцы находились на первой (таборной) стадии кочевания. Они действовали набегами и каждое очередное поражение от русских (если оно случалось) переносили очень легко, поскольку их родные коши находились в глубине степей, и половцы при необходимости уходили еще дальше, зажигая после себя степь, чем делали преследование просто невозможным: кормить лошадей было нечем. А вот поредевшему после очередного набега русскому населению всякий раз приходилось начинать с нуля: рубить новые избы, строить хозяйственные помещения, восстанавливать значительно сократившееся поголовье скота. Но в самом конце XI – начале XII вв. положение существенным образом изменилось. Половцы перешли ко второй стадии кочевания, которая предполагает, по наблюдениям С. А. Плетневой, ограничение территории кочевья для каждой орды и, соответственно, появление сезонных стойбищ – зимовок и летовок, что и сделало кочевников уязвимыми для ударов русских [1, с. 20–31]. Учитывая это, Владимир Мономах, еще не ставший великим князем, решил положить конец вражеским набегам и превратить оборонительную войну с половцами в наступательную. Ему удалось сплотить удельных князей и организовать несколько общерусских походов на половцев. Уже первый поход, направленный на далекое Лукоморье (1103 г.), оказался весьма результативным. Становища лукоморских половцев подверглись разгрому, а их прославленный хан Алтунопа был убит. Однако поражение, как ни странно, лишь подстегнуло половцев. Довольно быстро произошло объединение их донских и днепровских сил, и они совершили несколько походов на Русь, которые закончились разгромом половцев и в одном из которых их предводитель хан Шарукан «одва утече». Тем не менее спокойствия Руси это не принесло. Поэтому на Долобском съезде удельных князей по инициативе Владимира Мономаха было принято решение организовать рейд русских войск в глубину степей, где кочевали донские половцы – главные противники русского государства. Скрытно проникшие в половецкие кочевья весной 1111 г. русские военные силы застали половцев врасплох, а спастись бегством те по своему обыкновению просто не могли: их кони, добывавшие копытами корм из-под снега, к весне сильно отощали и не могли состязаться в резвости с русскими конями, хорошо отъевшимися за зиму на кормах, впрок заготовлявшимися нашими земледельцами в летне-осенний период. В итоге

огромное половецкое войско было разгромлено на собственной земле, все основные зимовки кочевников уничтожены. Последующие походы Мономаха и его сына Мстислава поставили половцев на грань уничтожения, и сын Шарукана Отрок с частью половцев откочевал в предгорья Кавказа, где поступил на службу к грузинскому царю Давиду, а его брат Сырчан вместе с оставшимися половцами затаился в глубине степей и до самой смерти Мстислава не предпринимал попыток напасть на русские земли.

Таким образом, одной лишь фразой *лелѣють мечь Шароканю* автор «Слова» актуализовал в сознании читателей важнейшую страницу истории их страны и тем самым подчеркнул, что, во-первых, успех в борьбе с половцами обеспечивают лишь совместные действия князей и, во-вторых, все усиливающиеся междоусобицы в конце концов могут привести русских к такому же тотальному поражению, которое половцы потерпели при Шарукане.

Наряду с вышерассмотренным существуют намеки другого рода, как будто вполне удовлетворяющиеся весьма краткими пояснениями исторического характера. В действительности же это совсем не так. Вот яркий пример. Князь Игорь, благодаря Донец за помощь, противопоставляет ему реку Стугну. Эта маленькая река (имеющая, как выражается автор, *худую струю*) весной во время паводка вобрала в себя воду других рек и ручьев, расширилась к устью и *затворила* на дне князя Ростислава (т. е. Ростислав в ней утонул). И вот теперь на темном берегу мать оплакивает безвременно погибшего юношу. Памятник не сообщает нам, что это за князь, почему он утонул, какие события предшествуют этому печальному факту. Комментаторы обыкновенно сообщают, что Ростислав – единокровный (т. е. от другой матери) брат Владимира Мономаха, утонувший в реке во время боя с половцами. Мономах пытался его спасти, но, едва не расставшись с жизнью, ничего не мог сделать. Этот комментарий многое проясняет, но оставляет совершенно неясным одно: какое отношение имеет смерть Ростислава к побегу Игоря. Между тем за рассматриваемым намеком скрывается богатейшая конкретная информация, которую летописи и другие исторические источники сообщают нам под 1093 г. Именно она и расставляет все по своим местам.

В указанное время, после смерти великого князя Всеволода Ярославича, киевский стол занял по праву старшинства Святополк Изяславич, двоюродный брат Владимира Мономаха. Воспользовавшись неразберихой, которая обыкновенно сопутствует смене власти, половцы пришли на Русь с требованием откупа, угрожая в противном случае разорением пограничных земель. Владимир Мономах советовал Святополку согласиться с их требованиями, но недалекий Святополк этому совету не последовал, решив вступить с

половцами в сражение. Мономаху как вассальному князю, правившему тогда в Переяславле, ничего не оставалось делать, как подчиниться, хотя общая обстановка для русских была крайне невыгодной. Времени для сбора общерусских войск не было. К тому же половцы заняли тактически выгодное положение, и русским, чтобы напасть на врага, в условиях весенней распутицы надо было переправляться через вздувшуюся реку Стугну, в обычное время маловодную. Результат этого неподготовленного военного мероприятия был печальным: половцы смяли немногочисленные русские полки, и те побежали. Во время обратной переправы многие, естественно, погибли (не забудем о тяжелых воинских доспехах тех времен), и в их числе был брат Владимира Мономаха Ростислав. Его тело, обнаруженное только через несколько дней, когда половцы уже ушли, перевезли в Киев, где юношу горько оплакивала его мать, половчанка по происхождению, получившая при крещении имя Анна.

На похоронах, видимо, вспоминали обстоятельства гибели покойного, в частности то, как Владимир Мономах едва не утонул, пытаясь спасти брата. Припомнили, конечно, и инцидент, произошедший накануне битвы (он засвидетельствован в историческом источнике). Направляясь к месту сбора войск, Ростислав со своими дружинниками остановился на подворье Печерского монастыря. В это время из своей кельи вышел монах Григорий, направлявшийся к реке за водой, и дружинники по какому-то поводу стали насмехаться над ним. Григорий имел неосторожность сказать, что им следовало бы вести себя подержаннее: они ведь едут не на гулянье, и у них много возможностей свести счеты с жизнью, в том числе и утонуть в реке. Взбешенный Ростислав (сказалась, видимо, пылкая половецкая кровь) приказал монаха утопить, что и было исполнено. Таким образом, весной далекого от нас 1093 г. в тугой узел оказались завязанными самые разные события: одно из немногих поражений Владимира Мономаха, горе матери, сын которой, в сущности, погиб от рук ее соплеменников-половцев, и святотатство Ростислава, обернувшееся его гибелью в реке (в полном соответствии с предостережением монаха Григория). Страсти, как видим, шекспировского размаха, но они остаются незримыми, поскольку рассказ о них в полном смысле слова оказался скрытым между строк – в пределах внетекстовой информации.

Точно так же незримы и две параллели, проводимые автором «Слова». Во-первых, произведение предупреждает, что любое плохо подготовленное военное мероприятие, рассчитанное лишь на слепую удачу, в конечном счете, как и поход Игоря, обернется катастрофой. Во-вторых, оно содержит неявную отсылку к «Истории Иудейской войны» Иосифа

Флавия, знакомство с которой автора нашего памятника сейчас уже никто не отрицает. Именно там рассказывается, что днем евреи плечом к плечу сражались с римскими легионерами, защищая осажденный храм, а ночью сводили счеты друг с другом, в результате чего каждое утро обнаруживались трупы людей, погибших отнюдь не от мечей римлян. А разве не из того же ряда убийство монаха Григория?

Текстовые намеки третьего рода, к рассмотрению которых мы переходим, практически остаются почти незамеченными. Читатель просто не видит их, полагая, что стоящая за ними информация самоочевидна. Например, сообщение «Слова», сделанное автором как бы мимоходом, о том, что князь едет в Киеве к церкви Богородицы Пирогощей, не наводит нас на особые размышления, так как мы думаем, что он отправился туда поблагодарить Бога за чудесное спасение. Так думал и я, пока на глаза мне не попалось одно примечательное место из «Робинзона Крузо» Даниэля Дефо.

В своем дневнике герой этого романа пишет, что после жестокого приступа лихорадки, которая для одинокого человека могла кончиться печально, он совершенно переосмыслил библейские слова: «Призови меня в день печали, и я избавлю тебя». Прежде Робинзон связывал их с избавлением из заключения, поскольку его остров был для него настоящей тюрьмой в худшем смысле этого слова. Теперь же, с омерзением вглядываясь в свое прошлое, Робинзон просит у Бога только избавления от бремени грехов, лишившего покоя его душу. Об избавлении от одиночества он больше не молился, таким пустяком стало оно ему казаться.

Однако вот что любопытно: то же самое произошло и с Игорем: попав в плен, он переосмыслил свою жизнь, и она ужаснула его. Ипатьевская летопись в Повести о походе Игоря сообщает, что князь после поражения раскаялся в своих грехах, воскликнув: «Вспомнил я о грехах своих перед Господом Богом моим, что немало убийств и кровопролития совершил на земле христианской: как не пощадил я христиан, а предал разграблению город Глебов у Переяславля... Но ныне вижу, что другие принимают венец мученичества, так почему же я – один виноватый – не претерпел страданий за все это? Но, Владыка, Господи Боже мой, не отвергни меня навсегда, но какова будет воля твоя, Господи, такова и милость нам, рабам твоим». И вот если учесть этот покаянный монолог Игоря, легко догадаться, что он едет к Богородице Пирогощей поблагодарить Бога прежде всего за то, что тот услышал и принял раскаяние князя. Остается лишь заметить, что Даниэль Дефо написал свой роман четырьмя веками позже, чем было написано «Слово», и, конечно же, он не был знаком с последним. И удивительно, как совпадают иногда мысли больших мастеров.

Намеки четвертого рода отсылают читателей не только к событиям, непосредственно связанным с этими намеками, но и событиям, смежным с ними. В одних случаях это позволяет установить необходимую, с точки зрения автора очень важную, связь между теми и другими. Так, скажем, в панегирике великому князю Всеволоду говорится, что если бы тот принял участие в битве с половцами, то была бы *Чага* (рабыня) *по ногатѣ*, а *Коцей* (раб) *по резанѣ*. Истоки этого выражения обнаруживаются в Сказании о битве новгородцев с суздальцами, где сообщается том, что после битвы суздальцев продавали по два за ногату, а по три – за резану. Автор «Слова» явно хочет подчеркнуть, что такая дешевизна рабов имела бы смысл, если бы в рабство продавали не русские русских, а русские половцев – своих извечных врагов. В других случаях такие намеки предостерегают читателей от явно ложных выводов. Например, в летописных записях о ранней истории славян констатируется, что хазары взимали с них дань *по бѣлѣ съ дыма* (слово *бѣла* первоначально обозначало шкурку то ли зимней белки, то ли горностая, а затем какую-то денежную единицу; *дымом* же называли человеческое жилище). Эта же фраза в несколько измененном виде использована в «Слове»: *А поганиш ... емляху дань по бѣлѣ отъ двора*. И именно она приводит некоторых интерпретаторов памятника в полное недоумение: половцы (а речь здесь идет именно о половцах), как известно, даней с русских селян не взимали, ограничиваясь захватом имущества, скота и пленных. А между тем для недоумения нет оснований, потому что у половцев имелся в запасе другой, более изощренный способ грабежа русских, о котором я уже вскользь говорил при упоминании событий 1093 г. В самый неподходящий для русских момент под стенами того или иного города Руси выросло многотысячное половецкое войско, предводители которого сообщали русскому князю, что они прибыли с мирными предложениями. Против мира русские, безусловно, ничего не имели, но тут таилась одна тонкость. После заключения мира (который мог быть нарушен тем же или каким-то другим племенем и через год, и через месяц, и даже через неделю) половецкому войску полагались солидные «подарки» – проще говоря, откуп за ненападение. Часто князьям приходилось соглашаться с требованиями лицемерных степных хищников и вручать требуемые ими «подарки», стоимость которых тем или иным путем взималась, понятно, с подданных князя. Так что в конечном счете «бела от двора» оказывалась совсем не метафорой.

Существует, наконец, и пятый род намеков, которые, отсылая к летописным текстам, заставляют нас сделать вывод, отсутствующий в этих текстах, но предполагаемый логикой происходящего. Обратим в

связи с этим внимание на то, что в «Слове» постоянно звучит «стреловой мотив»: *рассуишась стрѣлами по полю; се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣють съ моря стрѣлами на храбрыя пълкы Игоревы; тѣй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше; летять стрѣлы каленья и т. д.* На первый взгляд это может показаться несколько странным. И вот почему. На вооружении русских воинов в XII в. состояли меч, топор и копье. Лук же не был широко распространенным оружием. Им не владели не только ополченцы, но, видимо, и многие дружинники. Поэтому во всех стычках с врагом на передний край выдвигались набранные в полках «стрельцы», умевшие обращаться с луком. В их задачу входило если не парализовать, то существенно ослабить действие стрелового удара врага и позволить своим воинам войти в непосредственное соприкосновение с противником. У кочевников, напротив, лук был принадлежностью всех воинов без исключения, которые учились владеть им с трех лет и со временем достигали высокой степени совершенства в стрельбе. Но не станет же поэт воспевать мощь чужого оружия!

Упомянутая странность в нашем восприятии «стрелового мотива», однако, сразу же исчезает, стоит припомнить обращение Ярославны к солнцу с упреком, что оно *въ полѣ безводнѣ жаждею имъ лучи съпряже, тугою имъ тули затче*, и фрагмент из сна Святослава, которому снятся *тѣщиче тулы поганыхъ тльковинъ* (т. е. нехристианских помощников Игоря – ковуев). Эти констатации героев «Слова» заставляют нас рассмотреть некоторые подробности похода Игоря, отраженные в летописях.

Обыкновенно считается, что поход Игоря был конным. Но такое мнение явно не учитывает летописной информации. На рассвете субботнего дня, когда стали подходить многочисленные половецкие полки, у русских дружинников была возможность спастись бегством, но все решили: «Если поскачем – спасемся сами, а простых людей оставим, а это будет нам перед Богом грех: предав их, уйдем. Но либо умрем, либо все вместе живы останемся». Отсюда со всей определенностью следует, что у простых людей (т. е. ополченцев) коней не было, и поход был смешанным – конно-пешим. Об обозах летописные тексты вообще не упоминают, и исследователи не без основания полагают, что они вообще отсутствовали. Если это так, стрел в отряде Игоря было очень мало – ровно столько, сколько уместилось в колчанах и седельных сумках. Напротив, у половцев их было более чем достаточно. Ведь не зря же автор «Слова» замечает: *А половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому: крычатъ тѣлѣгы полунощы, рци, лебеди растущени*. Именно в этих телегах доставлялось военное снаряжение, в том числе и стрелы. И, естественно, когда на следующее утро многочисленные половецкие силы окружили русское войско Игоря,

положение последнего оказалось просто катастрофическим: стрел не было или было очень мало, поскольку они были израсходованы в предыдущем бою, и половцы начали безнаказанный обстрел русских.

Наши современники иногда пренебрежительно относятся к луку и стрелам. В действительности это было очень грозное оружие. По свидетельству А. Иванова, стрелы сильного лука с расстояния в 300 шагов пробивали толстую дубовую доску, а на 100 шагов они дырявили любые доспехи. Таким образом при прямом ударе от стрелы не спасали ни щиты, ни кольчуги [2, с. 197].

Легко можно представить положение воинов Игоря, которым нечем было ответить на мощные стреловые удары половцев. Единственное, что они могли сделать, – это спешиться, так как человек на коне представлял прекрасную мишень для лучника (только так можно объяснить, почему русские сошли с коней в предвидении приближающегося к ним конного половецкого войска!). Однако подобная защитная мера не могла быть эффективной, и войско Игоря было разбито. О такого рода развязке в памятнике ни слова, но исследователи хорошо понимают, в чем здесь дело. Так, Д. С. Лихачев прямо пишет: «Горе вошло в колчаны русских воинов потому, что они были пустые, – в них не стало больше стрел, все расстреляли. Если это так, то битва была безнадежно проиграна» [3, с. 270]. Ему вторит Т. Колотило: «Половцы вели массированный обстрел малоподвижного строя древнерусской дружины. Даже при бесприцельной стрельбе эффективность такого обстрела была ошеломляющей. У русских стреляли не все, а только выдвигавшиеся на начальных этапах боя лучники» [4, с. 199–200].

Как полагают отдельные исследователи (и в их числе В. Н. Татищев, в распоряжении которого были позже утраченные летописные тексты), из восьмидесяти тысяч русского войска около трех тысяч воинов погибло или умерло от ран, а пять тысяч попало в плен. Тяжелое, но вполне естественное поражение при такой плохой подготовке похода! И недаром князь Игорь в цитированном выше покаянном монологе признавал, что в этом виноват лишь он один – инициатор непродуманного набега.

Тем не менее если авторские сигналы (вроде стрелового мотива) в «Слове» отсутствуют, отсылки к источникам становятся неразличимыми, и в итоге возникает облегченное восприятие смысловой структуры высказывания. Положим, нам встретился фрагмент «Слова»: *Бориса же Вячеславича слава на судь приведе и на Канину зелену наполаму постла...* Здесь представляется все понятным: славолубие никогда не было в числе достоинств человека. Но обратимся к «Лествице» Иоанна Синайского – произведению, существовавшему в болгарском переводе X–XI вв. и

получившему распространение на Руси лишь в XIV в. (Г. М. Прохоров). В памятнике говорится о трех главных грехах: славолубии, сребролюбии и сластолюбии, причем славолубие на первом месте!

Второй пример. В начале похода Игоря, как известно, произошло солнечное затмение. Оно произвело на воинов (как и производило веками позже) тягостное впечатление. И это тоже понятно: от изменения привычного хода вещей, не находящего объяснения, ничего хорошего ожидать не приходится. Однако читателям «Слова», знакомым с «Диоптрой» Филиппа Пустынника (она была написана в XI в. и переведена на старославянский в XIV в.; всего сейчас насчитывается, по свидетельству того же Г. М. Прохорова, 160 переводов на славянский, причем в подавляющем большинстве русских), было известно больше. В «Диоптре» сообщается: зло подобно тьме. Оно не имеет собственного света и является отсутствием света.

Рассмотренный прием ввода внетекстовой информации, использованный автором «Слова», определил беспримерную краткость памятника при весьма богатом его содержании: эпических произведений короче его в мировой литературе не существует. По подсчетам Д. С. Ворты, соотношение этих памятников таково: «Слово о полку Игореве» – 500 строк, «Сид» – 3000, «Беовульф» – 3200, «Песнь о Роланде» – 4000, «Энеида» – 9900, «Одиссея» – 12 000, «Илиада» – 15 000, «Калевала» – 23 000, «Махабхарата» – 120 000 [5, с. 39]. Создается такое впечатление, будто автор «Слова» откликнулся на призыв, который адресовал И. Гете мастерам слова: «Великим хочешь быть – умей сжиматься. Все мастерство – в самоограничении». Но, конечно, чудес на свете не бывает: автор «Слова» чуть ли не четырьмя веками раньше пришел к аналогичному же выводу, что и немецкий поэт, сделав своим принципом немногословие.

Безусловно, целенаправленная ориентация «Слова» на внетекстовую информацию – факт значимый уже сам по себе: это верное свидетельство нестандартности нашего памятника. Но она важна еще и потому, что заставляет нас расстаться с отдельными исследовательскими иллюзиями, накопившимися за два с лишним столетия изучения поэмы.

Так, многих историков, интересовавшихся «Словом», еще с XIX в. согревала надежда отыскать в нем какие-то неизвестные им подробности о походе Игоря или, по крайней мере, об эпохе, в рамках которой проходил поход. Сейчас в свете сказанного стало ясно, что надежда эта была тщетной. Ожидать такого от художественного произведения, каким является «Слово», да еще написанного спустя два века после происходившего с опорой на источники, легшие в основу сообщений Ипатьевской и Лаврентьевской летописей, – пустое занятие. И поэтому историкам при-

дется довольствоваться решением прямо противоположной (но исключительно важной) задачи: их усилия потребуются для выявления в документальных свидетельствах эпохи тех или иных исторических частностей, которые способны пролить свет на содержательные аспекты памятника, дотоле ускользавшие от нашего внимания.

При анализе приема ассоциативного ввода внетекстовой информации рано или поздно мы сталкиваемся с вопросом: являлся этот прием индивидуальной находкой автора «Слова» или же он был достаточно известным и использовался другими авторами. Судя по всему, следует предпочесть второй вариант ответа. Исследователи уже заметили, что русские пилигримы XIV–XV вв., оставившие после себя всякого рода Хожения в Царьград, описывая достопримечательности византийской столицы, никогда не комментируют свои наблюдения, поскольку полагаются на то, что читатели уже располагают необходимой информацией из других источников. С аналогичным явлением мы сталкиваемся и в живописи того же времени. Знаменитая «Троица» А. Рублева, как известно, основывается на библейской легенде о том, что престарелых Авраама и Сарру посетили три ангела, которые сообщили, что Бог пошлет им долгожданного наследника. Но напрасно мы стали бы искать на иконе Авраама и Сарру. Их здесь просто нет, они домысливаются зрителями, как домысливаются многие фрагменты «Слова».

Впрочем, корни этого художественного приема уходят в далекое прошлое. Еще в восьмом веке до нашей эры Гомер выбрал для каждой из своих поэм по одному эпизоду из соответствующих событий. «Илиада» описывает гнев Ахилла на Агамемнона и его последствия, а «Одиссея» – последние два перехода в странствиях героя, наконец возвратившегося в родную Итаку. Остальные эпизоды мельком упоминаются в рассказах и речах действующих лиц. Что же касается восполняющей отсылки к фоновой информации, которая вводится другими текстами и не содержится в данном тексте, – это более позднее приобретение художественной литературы. Тем не менее, хотя автор «Слова» и не был создателем рассматриваемого приема, его использование внетекстовой информации достигло высокой степени совершенства.

Правда, общераспространенным этот прием в русской литературе не стал, и к нему обращаются лишь отдельные авторы. В числе их находится В. В. Набоков. Исследователи его творчества отмечают, что уже в самых первых произведениях американского периода, в частности в романе «Подлинная жизнь Себастьяна Найта», чувствуется потребность не только просто в читателе, а в сообщнике, который владеет по крайней мере двумя (а лучше – четырьмя)

языками, потому что в противном случае «он не поймет многих спрятанных значений ключевых слов, многих важных намеков и отсылок» [6, с. 17]. Безусловно, у В. В. Набокова прием оказался основательно модифицированным, но в основе своей он остался тем же, что и у автора «Слова», поскольку предполагает совместное творчество писателя и читателя. Примечательно, что в начале XX столетия, по свидетельству Ю. Анненкова, о своей приверженности к приему со-творчества автора и читателя заявил Е. Замятин, назвавший этот прием синтетизмом. Однако реализовать в полной мере свои теоретические установки из-за ранней смерти он не успел [7, с. 8–18].

Напротив, вне рамок русской словесности нас ожидает совершенно иная картина. В XX в. в поисках экономных изобразительных средств проблемой взаимоотношения автора и читателя заинтересовалась английская литература. Именно в это время – время перехода от объемистого романа к лаконичной новелле в среде английских мастеров слова, обратившихся к «малому» жанру, едва ли не всеобщее распространение получила тенденция к концентрации письма за счет использования подтекста, ассоциативных рядов, особых приемов монтажа и т. д. Новеллисты довольствовались (и довольствуются сейчас!) вместо пространных описаний сопутствующих обстоятельств упоминанием хорошо продуманных деталей, отсылок или намеков, которые вызывают у читателя по ассоциации живые представления об этих обстоятельствах. И поскольку английская литература издавна пользуется заслуженным авторитетом, принципы концентрации письма, давно покинувшие тесные рамки собственно новеллы и реализованные в творчестве таких мастеров слова, как Д. Г. Лоуренс, В. Вульф, Гр. Грин, Э. М. Форстер, И. Во, Р. Олдингтон, с полным основанием получили прописку в мировом литературном процессе, в том числе и у нас, где все большее распространение получают мини-рассказы, к которым проявляет пристальное внимание журнал «Октябрь». Воистину литература – величайшее творение человеческого разума – не считается ни с пространственными, ни с временными границами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плетнева С. А. Кочевники Средневековья / С. А. Плетнева. – М., 1982. – 190 с.
2. Иванов А. «Тули отворени, сабли изюстрени» / А. Иванов // Альманах библиофила. – 1986. – Вып. 21. – С. 176–198.
3. Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» как художественное целое / Д. С. Лихачев // Альманах библиофила. – 1986. – Вып. 21. – С. 268–292.
4. Колотило Т. «О ветре, ветрило!» / Т. Колотило // Альманах библиофила. – 1986. – Вып. 21. – С. 199–202.

5. Ворт Д. Лирический элемент в «Слове о полку Игореве» / Д. Ворт // «Слово о полку Игореве». Комплексные исследования. – М., 1998. – С. 38–45.

6. Люксембург А. Вивиан Дамор-Блок и вивисекция слова : Английская проза Владимира Набокова / А. Люксембург // Набоков В. В. Собр. соч. американского пе-

риода : в 5 т. Том «Подлинная жизнь Себастьяна Найта», «Под знаком незаконнорожденных» и «Николай Гоголь». – СПб., 1999. – С. 9–23.

7. Анненков Ю. Дневник моих встреч. Цикл трагедий : в 2 т. / Ю. Анненков. – Л., 1991. – Т. 1. – 353 с.

Балтийский федеральный университет имени И. Канта

Ломов А. М., доктор филологических наук, профессор кафедры речевой коммуникации и журналистики

E-mail: p.kuzmenko2012@yandex.ru

Тел.: 8 (473) 275-44-07

*Baltic Federal University named after I. Kant
Lomov A. M., Doctor of Philology, Professor of the
Speech Communication and Journalism Department*

E-mail: p.kuzmenko2012@yandex.ru

Tel.: 8 (473) 275-44-07